

ОРЛОВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости,

издаваемая при Орловской Духовной Семинаріи.

І ГОДЪ.

Годовая цѣна съ пе-
ресылкою 6 р. 50 к.

№ 25.

Изданіе
еженедѣльное.

22-го іюня 1914 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

Предсѣдатель Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ Архіепископъ Сергій циркулярнымъ отношеніемъ, отъ 5 мая за № 2321, сообщилъ Его Преосвященству о слѣдующемъ. Святѣйшимъ Синодомъ, по опредѣленію отъ 30 декабря 1913 года за № 314, предложено учредить въ городѣ Москвѣ женскій богословскій педагогическій институтъ, а впредь до утвержденія въ общемъ законодательномъ порядкѣ Положенія о семъ институтѣ открыть въ Московскомъ Скорбященскомъ монастырѣ съ начала 1914—1915 учебнаго года богословско-педагогическіе курсы, примѣнительно къ проекту Положенія о богословско-педагогическомъ институтѣ и съ представленіемъ прослушавшимъ сіи курсы преимущественнаго права на занятіе учебно-воспитательныхъ должностей въ женскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ виду важнаго значенія высшаго женскаго богословскаго образованія и принимая во вниманіе, что

редположенная плата за обучение (100 руб.) и содержание (250 руб.) на курсахъ является для бѣдныхъ дочерей—духовенства обременительной, Его Высокопреосвященство проситъ расположить духовенство, а равно и другихъ извѣстныхъ въ епархіи благотворителей, къ учрежденію одной или нѣсколькихъ стипендій, кои могли-бы быть предоставляемы обучающимся на богословско-педагогическихъ курсахъ (въ будущемъ—женскомъ богословско-педагогическомъ институтѣ) воспитанницамъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ для стипендіатокъ.

Вслѣдствіе распоряженія Его Преосвященства Орловская Консисторія поручаетъ о.о. Благочиннымъ обсудить вышеприведенное предложеніе на окружныхъ собраніяхъ и донести на разсмотрѣніе на Епархіальный Съѣздъ.

Епархіальныя извѣстія.

Назначенъ благочиннымъ монастырей на мѣсто игумена Мееодія—настоятель Сѣвской Плащенской пустыни игуменъ Геннадій, въ дѣлѣнїю коего подлежатъ монастыри: а) мужскіе—Брянскій Свѣнскій, Брянская Вѣлобережская пустынь и Брянская Клетневская пустынь и б) женскіе—Сѣвскій Троицкій и Брянскій Петропавловскій.

Перемѣщенъ, согласно прошенію, *діаконъ* ц. с. Бурдина, Елецкаго уѣзда, Михаилъ Филатовъ—къ ц. с. Нижняго Ольшанаго, Ливенскаго уѣзда,—17 іюня.

Утвержденъ въ должности церковнаго старосты при ц. с. Брянцева, Дмитровскаго уѣзда, кр-нъ Стефанъ Степинъ,—16 іюня.

Освобожденъ, согласно прошенію, отъ исполненія священническихъ обязанностей при ц. с. Губкина, Малоархангельскаго уѣзда, *священникъ* Николай Преображенскій,—15 іюня.

Умерли *священники* ц. сель: Трегубова, Елецкаго уѣзда, Григорій Сильвестровъ,—8 іюня, Руднева, Болховскаго уѣзда, Дмитрій Тверской,—11 іюня и *псаломщикъ* ц. с. Станового-Колодезя, Орловскаго уѣзда, Михаилъ Путилинъ,—10 іюня.

Присоединеніе къ Православію.

Протоіереемъ Христорожественской г. Орла церкви Григоріемъ *Ивановымъ* присоединена къ Православію изъ іудейскаго вѣроисповѣданія мѣщанка—дѣвица гор. Шклова, Могилевской губ., *Адель Бася Шамонова Беркова Масьева* 22 лѣтъ съ нареченіемъ имени ей „Ольга“—9 мая.

Праздныя священно-церковно-служительскія мѣста.

Священническія.

- 1) Въ с. *Срътенскомъ*, *Болх. у.*,—съ 20 мая, число душъ м. п. 822, земли 52 д., каз. жал. 550 р. Причть 3 членный.
- 2) Въ с. *Столбовъ*, *Дм. у.*,—съ 3 іюня, число душъ м. п. 782, земли 43 д. Причть 2 членный.
- 3) Въ с. *Вщижъ*, *Бр. у.*,—съ 8 марта, мѣсто священника Епархіальнаго миссіонера съ назначеніемъ ему содержанія 2500 руб.
- 4) Въ с. *Теляжъ*, *Мал. у.*,—съ 3 іюня, число душъ м. п. 1773, земли 43 д., Причть 2 штатный.
- 5) Въ *Никольскомъ-Ильинскомъ*, *Малоарх. у.*,—съ 30 апрѣля, число душъ м. п. 842, земли 36 д. Причть 2 член.
- 6) Въ с. *Лавровъ*, *Орл. у.*,—съ 3 іюня, число душъ м. п. 1530, земли 39 д. Причть 3 членный.
- 7) Въ с. *Трегубовъ*, *Елец. у.*,—съ 8 іюня, число душъ м. п. 1105, земли 68 дес., казен. жалованія 400 р. Причть 2-хъ членный.
- 8) Въ с. *Рудневъ*, *Болх. у.*,—съ 11 іюня, число душъ м. п. 972, земли 38 дес., казен. жалованія 550 р. Причть 3-хъ членный.
- 9) Въ с. *Губкикъ*, *Малоарх. у.*,—съ 15 іюня, число душъ м. п. 2454, земли 41 дес. Причть 2-хъ штатный.

Праздныя мѣста запасныхъ священниковъ.

- Въ *Болховскомъ у.*—въ градскомъ, во 2 и 3 благочин. ок.
„ *Брянскомъ*—въ 1 и 5 окр.
„ *Дмитровскомъ*—во 2 и 3 окр.

- „ *Елецкомъ*—въ градскомъ, во 2 и 3 окр.
- „ *Карачевскомъ*—въ 1 и 3 окр.
- „ *Кромскомъ*—въ 3 округъ.
- „ *Малоархангельскомъ*—во 2 округъ
- „ *Мценскомъ*—въ 1 и 2 окр.
- „ *Ливенскомъ*—во 2, 3 и 4 окр.
- „ *Орловскомъ*—въ 1 округъ.
- „ *Стъвскомъ*—въ 1, 3 и 4 округъ.
- „ *Трубчевскомъ*—въ 1 округъ.

Б) Діаконскія.

- 1) Въ с. *Воронцъ, Кромск. у.*,—съ 8 марта, число душъ м. п. 2256, земли 45 дес. Причтъ 2 штатный.
- 2) Въ *Никитскомъ-Солнцевъ, Орл. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 1328, земли 45 д. Причтъ 3 членный.
- 3) Въ с. *Соловьевъ, Елецк. у.*,—съ 6 декабря, число душъ м. п. 1836, земли 45 д. Причтъ 3 членный.
- 4) Въ с. *Васильевскомъ Синковцъ, Лив. у.*,—съ 21 марта, число душъ м. п. 826, земли 37 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 5) Въ с. *Бурдинъ, Елец. у.*,—съ 17 июня, число душъ м. п. 1503, земли 40 дес. Причтъ 3-хъ членный.
- 6) Въ с. *Колодезь-Куначъ, Лив. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 1578, земли 36 д. Причтъ 3 членный.
- 7) Въ с. *Страшевичи, Брян. у.*,—съ 1 ноября, число душъ м. п. 1077, земли 62 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 8) Въ с. *Кривцовой Плотъ, Лив. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 985, земли 38 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 чл.
- 10) Въ с. *Колпенской Плотъ, Малоарх. у.*,—съ 2 ноября, число душъ м. п. 1380, земли 33 дес. Причтъ 3 членный.
- 11) Въ с. *Волковъ, Дм. у.*,—со 2 ноября, число душъ м. п. 1371, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 12) Въ с. *Гнилой Плотъ, Мал. у.*,—съ 3 февраля, число душъ м. п. 1113, земли 33 д. Причтъ 3 членный.
- 13) Въ с. *Петропавловскомъ, Елецк. у.*,—съ 8 ноября, число душъ м. п. 1376, земли 36 дес. Причтъ 3-хъ членный.

14) Въ с. *Красномъ на Соснѣ, Малоарх. у.*,—съ 27 января, число душъ м. п. 2237, земли 50 д. Причтъ 2 штатный.

15) Въ с. *Арельскѣ, Трубч. у.*,—съ 7 января, число душъ м. п. 1681, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

16) Въ с. *Богрловскомъ-Блудовъ, Орл. у.*,—съ 8 мая, число душъ м. п. 1379, земли 43 д. Причтъ 3 членный.

17) Въ с. *Селечни, Ств. у.*,—съ 30 мая, число душъ м. п. 1912, земли 66 д. Причтъ 3 членный.

18) Въ с. *Лютюмъ, Лив. у.*,—со 2 июня, число душъ м. п. 1694, земли 111 д. Причтъ 3 членный.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о прочихъ праздныхъ діаконскихъ мѣстахъ открывшихся болѣе 6-ти мѣсяцевъ тому назадъ, можно получать въ Канцеляріи Консисторіи изъ справочной о мѣстахъ книги.

В) Псаломщическія.

1) Въ с. *Усошкахъ, Тр. у.*,—съ 8 марта, число душъ м. п. 591, земли 36 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.

2) Въ с. *Новоямской Слободѣ, Ств. у.*,—съ 17 мая, число душъ м. п. 2233, земли 39 д. Причтъ 2 штатный.

3) Въ с. *Войсковой Казинкѣ, Елецк. у.*,—съ 20 мая, число душъ м. п. 1110, земли 38 д. Причтъ 2 членный.

4) Въ с. *Яблонецъ, Дмитр. у.*,—съ 21 мая, число душъ м. п. 622, земли 28 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.

5) При *Покровской г. Ельца у.*,—съ 28 мая, число душъ м. п. 872, земли 63 д. Причтъ 2-хъ штатный.

6) Въ с. *Мужиновъ, Брянск. у.*,—съ 5 июня, число душъ м. п. 1830, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

7) Въ с. *Цвилневъ, Кр. у.*,—съ 1 марта, число душъ м. п. 533, земли 40 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.

8) Въ с. *Архангельскомъ на Неручи, Малоарх. у.*,—съ 25 марта, число душъ м. п. 2440, земли 41 д. Причтъ 2 штатный. (Діаконское мѣсто временно не замѣщается).

9) При *Кромскомъ соборѣ*,—съ 29 мая, число душъ м. п. 846, земли 143 д. Причтъ 2-хъ штатный.

10) Въ с. *Башкатовъ, Мц. у.*,—съ 31 мая, число душъ м. п. 1001, земли 44 д. Причтъ 2 членный.

11) Въ с. *Бочаркахъ, Кар. у.*,—съ 3 июня, число душъ м. п. 821, земли 38 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.

12) Въ с. *Вщижъ*, *Бр. у.*,—съ 8 марта, мѣсто псаломщика, мисіонера по Брянскому уѣзду съ назначеніемъ ему жалованія 600 руб.

13) При *Михаило-Архангельской г. Ельца у.*,—съ 21 мая, число душъ м. п. 644. Причтъ 2 штатный. (Диаконская вакансія временно не замѣщается). На содержаніе причта получается, кромѣ братскихъ доходовъ (въ 1913 г. 3010 р. 97 к.), $\frac{0}{100}$ съ капитала 380 руб.

14) Въ с. *Екатериновкѣ*, *Лив. у.*,—съ 3 іюня, число душъ м. п. 974, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

15) Въ с. *Дежкинѣ*, *Мц. у.*,—съ 30 мая, число душъ м. п. 913, земли 22 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.

16) Въ с. *Бѣто-Чернетовѣ*, *Бр. у.*,—съ 23 мая, число душъ м. п. 985, земли 29 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.

17) Въ с. *Становомъ Колодезѣ*, *Орлов. у.*,—съ 10 іюня число душъ м. п. 1236, земли 37 дес. Причтъ 2-хъ членный.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Распоряженіе Епархіальнаго Начальства. 2. Епархіальныя извѣстія. 3. Присоединеніе къ Православію. 4. Праздныя мѣста.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи

Протоіерей **В. Сахаровъ.**

ОРЛОВСКІЯ
Епархіальныя Вѣдомости.

22-го іюня № 25. 1914 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Литературная оцѣнка недавно прошлаго времени

(о революціи и революціонерахъ).

Въ одномъ изъ нашихъ очерковъ, печатавшихся на этихъ страницахъ въ прошломъ году, подъ заглавіемъ „Современная анархія духа“, намъ пришлось коснуться повѣсти одного изъ современныхъ писателей (В. Ропшина), посвященной страшному вопросу нашихъ дней, вопросу о революціи и революціонерахъ. Повѣсть эта—„Конь блѣдный“ съ поставленными въ заголовкѣ евангельскими словами о смерти и адѣ, о ненависти, повергающей въ тьму, замѣтно возвышаясь надъ духовнымъ уровнемъ современной литературы, не могла не обратить на себя общественнаго вниманія, вызвавъ значительные споры и многія нареканія на автора. Авторъ заглянулъ въ душу „мастера краснаго цеха“ и показалъ этотъ адъ, гдѣ царитъ смерть, ненависть, разрушеніе. Свою повѣсть авторъ осмыслилъ и углубилъ прекрасной идеей о томъ, что не кровью и убійствами, а вѣрою и любовью строится жизнь, разрѣшаются жгучіе вопро-

сы, распутываются запутанные клубки жизни. „Вотъ идетъ дѣло крестьянское, христіанское, Христово. Во имя Бога, во имя любви. И будутъ люди свободны и сыты, и въ любви будутъ жить. Вѣрю: нашъ народъ,—народъ Божій, въ немъ любовь, съ нимъ Христосъ. Наше слово—воскресшее слово: ей, гряди, Господи“!..

Въ нынѣшнемъ году вышелъ новый романъ того же автора—„То, чего не было“,—посвященный тому же самому вопросу, видимо, неотступно преслѣдующему автора, со всею тяжестью, неразрѣшимостью, сомнѣніями, во всемъ своемъ грозномъ значеніи. Этотъ романъ—знаменіе нашего времени, свидѣтельствующее о глубокомъ поворотѣ въ обществѣ, о пробужденіи послѣ кошмара, о новыхъ, еще скрытыхъ движеніяхъ современной души.

Послѣ Достоевскаго, конечно, не новость тѣ вопросы, которые выдвигаетъ новый авторъ, заставляя своихъ героевъ мучительно задумываться надъ ними, биться надъ ихъ разрѣшеніемъ, ужасаться ихъ непостижимости. Дѣло не въ оригинальности, не въ глубинѣ мышленіи. Здѣсь знаменательно самое обращеніе къ вопросу о томъ, можно ли убивать, и правда ли, что все позволено,—обращеніе къ тому вѣчному источнику, откуда почерпается сила жизни и ея вѣчная правда.

Авторъ и этотъ свой романъ закончилъ одушевленнымъ выраженіемъ своей вѣры въ иное спасеніе, не путемъ революціи: „и онъ почувствовалъ, какъ на днѣ утомленной души чистымъ пламенемъ снова вспыхнула вѣра, вѣра въ народъ, въ дѣло освобожденія, въ обновленный, на любви построенный міръ. Вѣра въ вѣчную правду“.

Отъ новаго романа В. Ропшина, счастливо выдѣляющагося на опустошенномъ и обезображенномъ полѣ нашей художественной литературы, вѣетъ свѣжестью русской самобытности, своеобразиемъ и бодростью не плѣненной партійностью мысли, чистосердечіемъ русской души, охваченной высокими исканіями и запросами.

Вѣрный завѣтамъ прежнихъ нашихъ писателей, авторъ въ своемъ романѣ стоитъ на твердой русской почвѣ, ревниво охраняетъ связь съ народомъ и рассказываетъ, полный свѣжихъ, еще не остывшихъ впечатлѣній отъ жиз-

ни, зорко всматриваясь въ ея потаенныя глубины! Здѣсь художественная правда совпала съ правдой жизни, которая удержала автора отъ идеализаціи и поэтизаціи революціи въ духѣ „Сашки Жегулева“ Л. Андреева.

На многихъ страницахъ романа мы слышали отзвуки вѣщихъ рѣчей Достоевскаго, отголоски его мятежныхъ и честныхъ исканій, не останавливающихся передъ круто поставленными вопросами. Замѣтно выдѣляются у В. Ропшина слѣды и признаки пытливо ищущей русской мысли, бореній и мукъ совѣсти, глубокаго содраганія при видѣ ужасовъ человѣкоубійства и братоубійства.

Послѣ прочтенія романа остается тяжелое, гнетущее, кошмарное впечатлѣніе, конечно, не въ пользу революціи и ея „мастеровъ“, душевная боль и горечь, минутами переходящая въ пессимистическое раздумье надъ настоящимъ и будущимъ съ его новыми и новыми кровопролитіями. Но въ этой кромѣшной тьмѣ ожесточенія и помутнѣнія души человѣческой просвѣчивается „чистымъ пламенемъ“ вѣра автора „въ вѣчную правду“, которая даетъ и автору, и читателямъ твердое руководство, твердую опору въ братоубійственной сумятицѣ, среди убійствъ, покушеній, взрывовъ, разстрѣловъ, въ кипѣніи дикихъ страстей, въ столкновеніи борющихся партій.

Если сопоставить между собою мелькающія въ романѣ, одна за другою, сцены этихъ столкновеній, заговоровъ, кровавыхъ катастрофъ и пораженій, если вздуматься въ тревожныя рѣчи главнаго героя романа, революціонера и террориста Андрея Болотова, то станетъ яснымъ, что главный вопросъ, владѣвшій авторомъ, вопросъ объ убійствѣ.

Еще въ первой своей повѣсти „Конь блѣдный“ авторъ замѣтилъ о герояхъ бомбы и револьвера, что „убить—тяжкій грѣхъ“, что можно молиться,—„Господи, дай мнѣ смерть во имя любви, а объ убійствѣ вѣдь не помолишься“, „убьешь, а молиться не станешь“, что „нужно еще, нужно, чтобы люди другъ друга любили, чтобы Богъ былъ съ ними и въ нихъ“, такъ какъ люди „про Бога-то, про любовь забыли“.

Проблема убійства отъ начала до конца проникаетъ собою новый романъ, давая ему смыслъ и отмѣчая чертами

высокой красоты и своеобразія. Тамъ были первые шаги чудовищнаго, мистическаго „Коня блѣднаго“, взрывъ ненависти и ярости, затмившей и обезначалившей жизнь, видимое торжество убійственныхъ, хаотическихъ силъ. Здѣсь— ихъ крушеніе, здѣсь не только внѣшнее, физическое подавленіе революціи, но и внутреннее ея крушеніе, ея духовное банкротство и общественная безжизненность, беспочвенность, бесплодность. Это какое то марево, ужаснувшее и обманувшее, мрачное привидѣніе въ дѣйствительности, тяжелый сонъ, кровавая разсѣянная мгла, „то, чего не было“. Внѣшнему пораженію здѣсь сопутствуетъ внутренняя драма, содержаніемъ которой является постоянно нарастающее сомнѣніе въ революціи, раздвоеніе, самоподтачиваніе, дерзкія мысли объ ея коренной лжи и противорѣчіяхъ, ужасъ и сотрясеніе передъ раскрытыми ею безднами.

На многихъ страницахъ романа написана неподдѣльная тревога человѣческой души, противодѣйствующей человѣкоубійственнымъ движеніямъ, инстинктивно отталкивающей отъ себя противную ей даже въ моментъ окончательнаго рѣшенія убить идею убійства. Это постоянно нарастающая тревога слышится и въ боязливомъ вопросѣ сестры, которая робко спрашиваетъ своего брата—гимназиста,— „Миша, тебѣ не страшно?... тебѣ не страшно убить?“—и въ потрясающей сцѣнѣ убійства жандармскаго полковника Слезкина, сценѣ съ предсмертнымъ ужасомъ, съ безумными заячьими криками обреченнаго человѣка, съ рыданіями его жены,—и въ описаніи кровавыхъ убійствъ на баррикадахъ съ обѣихъ сторонъ, страданія и смерти убитыхъ бомбою неповинныхъ людей, напр., кучера военнаго прокурора,—и въ тяжкихъ бореніяхъ и самоугрызеніяхъ революціонеровъ передъ моментомъ покушенія, въ ихъ невольномъ отвращеніи къ готовому совершиться убійству.

Устами террориста Андрея Болотова, переживающаго тяжелыя сомнѣнія и муки совѣсти, авторъ задаетъ мѣткіе, убійственные для революціи вопросы: „почему, если я убилъ Слезкина,—я герой, а если онъ повѣсилъ меня, онъ мерзавецъ и негодяй?.. Вѣдь это же готтентотство... Одно изъ двухъ: либо убить нельзя, и тогда мы оба, Слезкинъ и я, преступаемъ законъ, либо можно, и тогда ни онъ, ни я не

герои и не мерзавцы, а просто люди, враги... Допускаете ли, что онъ не для себя, а для народа, именно для народа, заблуждаясь, конечно, считалъ своимъ долгомъ бороться съ нами? Допускаете ли вы это? Да?... Въдь можетъ такъ быть? Да?... Ну, тогда гдѣ же различіе между мною и имъ? Гдѣ? И почему онъ мерзавецъ? По-моему либо убить всегда можно, либо... либо убить нельзя никогда".

По признанію этого революціонера, для него все было просто и ясно, пока онъ не убивалъ,—считая постановленія партіи закономъ, а убившихъ героями, жертвующими собою для народа. Теперь ему открылась въ самомъ корнѣ этого дѣла ложь, и Марксъ, Энгельсъ, Кантъ потеряли свой авторитетъ, такъ какъ они „никогда не убивали людей“, и „значить они не знаютъ, не могутъ знать то, что знаю я, что знаете вы“,—т. е. всѣ тѣ, кто совершилъ убійство. Одинъ разъ поддавшись этимъ „дерзкимъ мыслямъ“, Болотовъ уже не въ силахъ избавиться отъ нихъ, и его не перестаетъ мучить сознаніе, что никто изъ причастныхъ къ дѣлу революціи „не понимаетъ смерти“, „не смущается кровью“. Ему „жалко тѣхъ, кто, не понимая убійства, призываетъ „на бой кровавый“. Происходитъ трагическое столкновеніе взаимно противорѣчащихъ и отрицающихъ движеній и чувствъ. Смущенная открывшейся ложью, мысль ищетъ исхода, ищетъ „ключъ къ рѣшенію вѣчной и неразрѣшимой загадки“, пытается оправдать, осмыслить, одухотворить революціонное дѣло разрушенія и убійства.

Въ этомъ мѣстѣ романа, намъ кажется, авторъ погрѣшилъ, заставивъ своего героя послѣ такихъ сильныхъ переживаній, приведшихъ къ сознанію коренной лжи революціоннаго дѣла, все-таки, отдаться послѣднему со всѣмъ фанатизмомъ разрушенія, въ безумномъ ослѣпленіи и ожесточеніи. Герой, познавшій ужасъ и беззаконность всякаго убійства, убиваетъ бомбой военнаго прокурора, и въ памяти его запечатлѣвается до самаго повѣшенія одна подробность этой ужасающей картины взрыва,—убитый кучеръ, съ огромнымъ, вздувшимся животомъ, съ стекляннымъ, круглымъ, въ упоръ смотрящимъ, неживымъ глазомъ. „Болотовъ,—читаемъ въ романѣ,—всхлипнулъ“, и тотъ же Болотовъ не проявляетъ ни малѣйшаго раскаянья и самоосу-

жденія, какъ напимѣрь Раскольниковъ у Достоевскаго, но до конца остается ожесточеннымъ, упорнымъ въ своемъ жестокосердіи, упорно презирающимъ своихъ судей, какъ выше ихъ стоящій въ своемъ мнѣніи, хотя и при прежней мысли о лжи и беззаконіи убійства, значить, о лжи и беззаконіи своемъ.

Противорѣчіе это отчасти устраняется тѣмъ соображеніемъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ психологіей потрясенной и искривленной души, оставшейся на распутьи, движущейся по наклонной плоскости, окруженной кошмарной атмосферой, полной крови, иступленной ненависти, безумныхъ порывовъ и настроеній.

Душа человѣка отвергла идею убійства, но это произошло въ моментъ такого изступленія и надрыва, когда линія дальнѣйшихъ поступковъ начинаетъ поразительно кривиться, и человѣкъ, дѣйствуя, описываетъ страшные зигзаги и теряетъ послѣднее равновѣсія, стоя надъ пропастью.

Такъ происходитъ въ романѣ и съ террористомъ. Потрясенный новой истинной, онъ не сходитъ съ своего ложнаго пути, но въ отчаяннѣ думаетъ, что, не оставляя террора, убійства, преступленія, онъ удовлетворитъ высшему, неложному суду, высшей правдѣ, отдавая народу „свою безсмертную жизнь“: „если есть на землѣ правда, если въ жизни не все неразуміе и ложь, то призракъ истины, тѣнь справедливости въ моей, свободно избранной, смерти“. Авторъ увѣряетъ насъ, что его герой послѣ этого „почувствовалъ благоговѣйный восторгъ, точно съ плечъ свалилось тягчайшее бремя, точно онъ обрѣлъ спасительную свободу“, и заснулъ „безтревожнымъ и радостнымъ сномъ“.

Здѣсь странное сочетаніе идеи убійства съ идеей самоотверженія, которое (сочетаніе) вполне возможно и понятно въ смятенной душѣ на мгновеніе прозрѣвшаго и ищущаго оправданія террориста, но, конечно, должно быть чуждо автору повѣсти „Конь блѣдный“, сказавшему, что можно молиться о своей смерти ради любви, а не объ убійствѣ другого.

Террористъ Болотовъ въ романѣ—типичный русскій революціонеръ, изъ самой революціи пытающійся сдѣлать

религію милосердія и самоотверженія, изъ революціонной дружины—своего рода церковь избранныхъ, устрояющихъ „справедливое и свѣтлое будущее, Царствіе Божіе на землѣ“, такъ какъ „въ этомъ смыслѣ, въ этомъ и оправданіе безчисленныхъ жертвъ“, тогда какъ „въ работѣ нашей кроется ложь“. Мы видимъ, какъ борятся эти двѣ стихіи въ душѣ революціонера,—одна мягкая, кроткая, милующая и созидающая, христіанская стихія самоотверженія, любви, подвига крестнаго,—другая мрачная, губительная, беспощадная, слѣпо-истребляющая стихія разрушенія, гордости, непримиримости, упорной жестокости.

Недаромъ одинъ изъ террористовъ въ романѣ, выслушавъ разсужденіе Болотова о необходимости „отдать все, умѣть отдать все“, о смерти, какъ цѣнной жертвѣ, о революціи, какъ готовности „за други своя положить душу свою“ замѣтилъ: „знаете, Болотовъ, ваша точка зрѣнія—плохая, да, плохая. Это точка зрѣнія тѣхъ, кого побѣждаютъ. Я скажу: точка зрѣнія романтиковъ“. Вѣрнѣе сказать, это точка зрѣнія христіанства, которое, безусловно, несовмѣстимо съ революціею, какъ несовмѣстима любовь съ враждою, свѣтъ съ тьмою.

Болотовъ, просто, охваченъ покаянной тоскою и тревогой, въ немъ проснулась чуткая русская совѣсть, не дающая покоя, противная лицемѣрію и двоедушію. Описывая подготовленія террористовъ къ убійству, авторъ даетъ одинъ существенный намекъ, замѣчая, что Болотову стала противна террорастическая работа наблюденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стыдно оставить боевую дружину; и онъ съ тоскою вспомнилъ про семью, мать, и ему „страстно хотѣлось увидѣть доброе лицо матери, ея любящіе голубые глаза, ея шелковую косынку, хотѣлось крѣпко обнять и на ухо, чтобы никто не слышалъ, *покоятся въ своей жизни*“ *).

Здѣсь трагедія доброй и любящей русской души, потерявшей путеводную звѣзду въ чаду революціонныхъ страстей и внушеній. Здѣсь ужасъ безысходности, неисцѣлимаго отчанія, когда человѣкъ зналъ, что революція живетъ „убійствомъ, только убійствомъ“, что „революціонеръ всегда лжетъ“, что на его знамени написано „все позволено“,—на-

*) Курсивъ вездѣ нашъ. В. А.

силіе, ложь, обманъ,—„цѣль оправдываетъ средства“,—когда, познавши все это, человѣкъ позналъ и то, что не все позволено, и оказался не въ состояніи выйти изъ этого противорѣчія, отказаться отъ того или другого, примирить то и другое.

Здѣсь психологія смятенія и потерянности человѣка, заблудившагося въ темную, бушующую ночь и бессильно бросающагося изъ стороны въ сторону, не находя нигдѣ спасенія. Этотъ ужасъ безысходнаго отчаянья и метанія хорошо выразился въ словахъ Болотова, о томъ, что, „кто разъ убилъ, тому нѣтъ спасенія, тотъ долженъ отдать свою жизнь“. Допуская и считая необходимымъ терроръ, онъ остается при убійственномъ сознаніи, что допускается и позволяется ложь. Ему противно лгать, „съ души воротитъ слѣдить“ за выѣздами военнаго прокурора, но въ то же время онъ не можетъ „не работать въ терроръ“.

Замѣчательна одна сцена въ романѣ, сцена въ духѣ и въ стилѣ Достоевскаго, гдѣ Болотовъ и другой типичный русскій революціонеръ горячо разсуждаютъ въ трактирѣ о томъ, можно ли убивать, или нѣтъ. Оба приходятъ къ выводу, что намъ „не дано знать“, что „никто не можетъ рѣшить“, и тутъ насъ поражаетъ одна черта,—это „слова о Богѣ и Христѣ“, которыя раздаются изъ устъ готовящагося къ убійству революціонера Сережи. „Христось... Евангеліе... Не убій“, слова о любви другъ къ другу, о покаявшемся разбойникѣ настолько поражаютъ Болотова, „что онъ готовъ былъ подумать, не пошутилъ ли Сережа“.

Въ концѣ концовъ останавливаешься въ удивленіи и недоумѣніи передъ Болотовыми и Сережами русской революціи, способными мучиться неразрѣшимыми вопросами, говорить о Христѣ и проливать кровь, задумываться надъ тѣмъ, можно ли убить, шептать „божественныя слова“ о пшеничномъ зернѣ, о любящемъ и ненавидящемъ душу свою въ семь мѣрѣ, шептать,—„Господи, научи“,—и бросать въ человѣка «круглую и тяжелую девятифунтовую бомбу». Въ одномъ мѣстѣ романа прямо говорится, что Сережа „твердо вървалъ въ революцію, вървалъ, что Господь не оставитъ ее, и молитвенно дерзалъ на самое страшное: на дозволенное людьми насиліе“.

Эти строки полны глубокого смысла, и въ нихъ дана типичная правда о русской душѣ, въ которой, какъ отмѣчалъ еще Достоевскій, уживаются самыя непримиримыя и взаимно исключаютія силы и движенія, въ которой подвижничество и разбойничество, самоотверженіе и самоутвержденіе, богоносное и богоборное, Христово и антихристово сосуществуютъ и проявляются такъ сильно и потрясающе. Отнынѣ становится исторической и общерусской поставленная Достоевскимъ проблема карамозовщины, загадка одновременнаго созерцанія двухъ безднъ—вверху и внизу, одновременнаго слѣдованія Христу и Его искусителю. Поразительнымъ становится не только то, зачѣмъ человекъ убиваетъ человека, „одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?“, такъ какъ это вопросъ вѣковъ и народовъ. Поразительно это „помяни меня Господи, когда приидешь въ Царствіе Твое“, эти порывы вѣры, братской любви и самоотверженія, уживающіеся въ русскомъ революціонерѣ съ порывами мрачнаго невѣрія, жестокосердія, братоубійственнаго истребленія, пролитія крови.

Среди ужасовъ и кошмаровъ, возсозданныхъ въ романѣ и долго послѣ прочтенія владѣющихъ вами, не потушаетъ вѣра въ человека, ибо въ немъ, какъ показалъ авторъ, передъ убійствомъ ярко вспыхиваетъ искра Божія, и на мгновеніе торжествуетъ Христово, богочеловѣческое начало. Болотовъ готовится бросить бомбу, но въ этотъ моментъ въ немъ загорается непреодолимое отвращеніе къ убійству, и онъ плачетъ, стоя надъ окровавленной грудой, ужасаясь сдѣланному его собственной рукой. Въ концѣ концовъ торжествуетъ богочеловѣческая стихія, торжествуетъ вѣчная правда, говорящая въ душѣ террориста въ послѣдніе предсмертные часы его въ тюрьмѣ, что *„даже избранная свободно смерть не есть искупленіе, что и кровью своей не оправданъ убійца, что если должно и можно убить, то нельзя и не надо искать оправданій, ибо горе тому, кто убилъ“*.

Въ этомъ высшая красота и смыслъ романа В. Ропшина и его крупное моральное значеніе. Прямая рѣшительная постановка одного изъ проклятыхъ вопросовъ времени, твердая послѣдовательность, не смущаемая рѣзкими выводами, правдивое отображеніе мрачныхъ явленій послѣднихъ

лѣтъ русской жизни, настроеніе вѣрующей русской души, не потерявшей здороваго нравственнаго чувства и не похолодѣвшей холодомъ невѣрія и равнодушія,—все вмѣстѣ обуславливаетъ высокую общественную цѣнность этого произведенія. Вѣрный традиціямъ Достоевскаго, авторъ не остановился передъ правдивымъ и строгимъ приговоромъ дѣлателямъ революціи, подвергнувъ ихъ безошадному моральному изобличенію и осужденію.

Несостоятельная передъ судомъ моральнаго христіанскаго сознанія и передъ судомъ совѣсти, революція оказалась такою же и передъ судомъ общественнаго сознанія, съ точки зрѣнія условій русской дѣйствительности, какъ чуждая и далекая отъ народныхъ массъ. Находясь въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ идеи Л. Толстого о ничтожной роли личности въ исторіи, авторъ романа отъ начала до конца неизмѣнно повторяетъ одно, что мнимые строители и начинатели революцій „были не властны надъ революціей, и попытки ихъ руководить были всегда и неизмѣнно бессильны“, и что рѣшеніе людей „на убійство, на бунтъ и на смерть“ зависитъ „отъ неисчислимаго множества непредвидимыхъ и случайныхъ причинъ“.

Партійная сила революціи оказывается ничтожной передъ силой „невидимой и всемогущей толпы“, и власть партіи не въ состояніи „ускорить или замедлить величавый ходъ надвигающихся событій“. Ненасытная жажда крови, убійствъ, преступленія, господство хищныхъ побужденій звѣря, слѣпой ярости и неутолимои вражды съ одной стороны, съ другой—полная оторванность отъ народа, отъ земли, почвы. бессмысленное, безжизненное и бесплодное краснбайство и пустое препирательство партійнаго свойства, противное и отталкивающее своимъ вѣчнымъ образомъ и непримѣнимостью къ жизни, гордая и неосновательная самоувѣренность главарей и вообще революціонеровъ, мнящихъ себя выразителями воли народной,—все вмѣстѣ объясняетъ то, что революція, какъ быстро вспыхнула, такъ быстро и погасла.

Достойно примѣчанія то обстоятельство, что авторъ разсматриваемаго романа, подобно автору „Бѣсовъ“, вскрываетъ одну психологическую странность дѣлателей револю-

ці, лучше всего свидѣтельствующую объ ея безжизненности, бесплодности и несовмѣстимости революціи съ творчествомъ прогресса, съ истиннымъ строительствомъ невыдуманной жизни.

Когда прекратились вооруженныя возстанія и забастовки, и „казалось, открылся путь въ обѣтованную землю—къ справедливому и свободному устроенію Россіи“, Болотовъ „съ удивленіемъ признавался себѣ, что кромѣ революціоннаго опыта у него нѣтъ богатства, и что, кромѣ навыковъ конспираціи, онъ не вынесъ изъ партіи ничего: многотрудная жизнь милліоновъ сѣрыхъ людей была ему неизвѣстна, непонятна и недоступна. *И становилось жаль, что такъ скоро все кончено, что революція уже побѣдила, что онъ, какъ поденщикъ, послѣ разчета, безпріютенъ и сирѣ.* Съ горечью вспоминались когда-то слышанныя отъ Арсенія Ивановича слова: „сатана гордился—съ небесъ свалился. Фараонъ гордился—въ морѣ утопился, и мы гордимся—куда годимся“?

Вотъ вопросъ, правдиво подсказанный автору самую жизнь и поражающій революцію въ самое сердце. Нѣтъ сомнѣнія, что революція и революціонеры, какъ объ этомъ прекрасно разсказывается въ романѣ, богаты, даже черезъ мѣру и исключительно богаты всѣми отрицательными чертами,—гордостью безъ основанія, самоувѣренностью, злобою, кровавыми страстями и наклонностями, жестокой мстительностью по принципу „око за око, зубъ за зубъ“, звѣринымъ хищничествомъ, обманомъ, ложью, предательствомъ и другими средствами, оправдываемыми выставляемой ими цѣлью, ненасытной привычкой разрушенія и истребленія, но и только. Дальше начинается обрывъ, бездна, пустота, которую ничѣмъ нельзя, да и невозможно заполнить. Идея самопожертвованія, прицѣпляемая къ этому дѣлу, какъ показано въ романѣ, не вяжется съ нимъ, отрицаетъ его и свидѣлствуетъ о коренной лжи тамъ, гдѣ выставляютъ на показъ высокую правду. Болѣе послѣдовательные революціонеры въ романѣ откровенно заявляютъ, что всѣ эти идеи—одна сентиментальность, что революція есть убійство и мщеніе, возвращеніе къ древнему іудейскому „око за око и зубъ за зубъ“.

Мирная трудовая жизнь, мирный героизм чужды тому, кто привыкъ жить въ атмосферѣ, насыщенной газами политическихъ и прочихъ бурь, кто упитался и пресытился кровью, извратилъ нравственныя чувства и понятія, изощрилъ одни хищническіе инстинкты и сроднился съ револьверомъ и бомбой до невозможности съ ними разстаться.

Нельзя не отдать справедливости гениальному глубокомыслию и пронизательности Достоевскаго, который лучше кого-либо въ свое время постигъ эту сущность, уловилъ эту темную тайну обаянія и очарованія для нѣкоторыхъ революціи и показалъ въ романѣ „Бѣсы“ и „Преступленіе и Наказаніе“, какія страшныя и часто неисцѣлимая язвы оставляютъ на отдѣльномъ человѣкѣ и цѣломъ народѣ убійственные микробы революціи. Онъ имѣлъ полное и разумное основаніе придать этимъ страшнымъ силамъ какое-то мистическое значеніе, назвавъ ихъ „бѣсами“. Развѣ можно иначе понять и объяснить эту неутолимую, нечеловѣческую жажду крови, убійства, подтачиванія того, что другими создается съ великимъ терпѣніемъ и усиліями, эту дьявольскую тоску, когда въ жизни—миръ и благоволеніе, и бѣшеную радость, когда начинается смута, несогласіе, дробленіе на враждующія партіи, хаосъ противныхъ, борющихся силъ, слышатся стоны, проклятія, льется кровь, ожесточается и охладѣваетъ сердце человѣческое, развращаются нравы, и топчутся святыни, которымъ поклонялись?

Въ такомъ видѣ представляется антиморальная и антиобщественная природа революціи у Достоевскаго и В. Ропшина. Тотъ и другой психологически и фактически правы, усмотрѣвъ въ революціи богатство отрицательнаго свойства, броженіе разрушительныхъ, разлагающихъ началъ.

Лишенная какой бы то ни было положительной опоры и основы, несостоятельная ни съ моральной, ни съ реально-общественной точки зрѣнія, революція падаетъ сама собою и разлетается, какъ дымъ. Это—„только пѣна народнаго моря, только взбрызги мятущихся волнъ“, Авторъ смотрѣлъ не туда, и не тамъ его сочувствіе. Революція „то, чего не было“, а то, что есть и достойно всякаго вниманія и изученія, на что обращенъ взглядъ автора, откуда онъ почерпнулъ свою вѣру въ вѣчную правду, „въ обновленный, на

любви построенный міръ“,—это народная, повседневная Русь. „Русь необозримыхъ, распаханыхъ, орошенныхъ потомъ полей, заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, Русь не студентовъ, не офицеровъ, не программъ, не собраній, не комитетовъ, и не праздную, легкоязычную и празднословную Русь, а Русь пахарей и жнецовъ, трудовую, непобѣдимую, великую Русь“—увидѣлъ авторъ, и передъ нимъ поблѣднѣли и растаяли, какъ дымъ, призраки революціи.

В. Азбукинъ.

Трудовая школа.

Среди другихъ новѣйшихъ педагогическихъ теченій необходимо указать на трудовую школу, за принципы которой ведется въ настоящее время борьба всѣхъ лучшихъ педагогическихъ силъ Западной Европы. Объявляя войну старой школѣ, всѣмъ прежнимъ педагогическимъ принципамъ, всей прежней системѣ воспитанія, трудовая школа, отцомъ которой является нѣмецкій ученый Георгъ Кершенштейнеръ, ставитъ своей главнѣйшей задачей—воспитаніе трудоспособнаго подросткающаго поколѣнія для служенія своему народу. Ея девизъ всемѣрное развитіе самостоятельности учащихся, свободное, полное и всестороннее развитіе ихъ врожденныхъ способностей и приученіе ихъ къ опредѣленной, специальной работѣ.

Задача школы, по мнѣнію Кершенштейнера, будетъ исполнена, если питомцы ея приобрѣтутъ навыкъ къ какой-либо профессіи, которую они будутъ исполнять не только въ интересахъ собственной жизни, но и въ интересахъ общественно-государственныхъ. При этомъ необходимо развивать въ молодомъ поколѣніи сознаніе отвѣтственности, побуждающее ихъ смотрѣть на всякую работу, какъ бы скромна она ни была, какъ на служеніе обществу и государству, требующее серьезнаго, вдумчиваго исполненія.

Короче сказать, трудовая школа ставитъ своей главнѣйшей задачей воспитаніе характера при помощи самостоятельной работы, подготовляющей учащихся къ пред-

стоящей общественной дѣятельности. Отсюда трудовая школа иначе называется „жизненной“ школой.

Подвергая безпошадной критикѣ современную школу, Кершенштейнеръ говоритъ, что она является пережиткомъ средневѣковой, преслѣдуетъ давно отжившую цѣль: усвоеніе возможно большаго количества учебныхъ предметовъ, нагромождая въ умахъ учащихся одно знаніе на другое, не заботясь совершенно о развитіи духовныхъ, нравственныхъ и техническихъ способностей своихъ питомцевъ, которые совсѣмъ не приучаются къ самостоятельному мышленію, проявленію творческой инициативы и изслѣдованію. Дрессировка ума, развитіе одной только памяти—вотъ альфа и омега современной школы. Вотъ почему, вступая въ дѣйствительную жизнь, наши дѣти не умѣютъ шагу ступить безъ посторонней указки.

Первой задачей трудовой, общественной школы является, по мнѣнію Кершенштейнера, профессиональное образованіе, подготовка къ какой-либо практической работѣ. У большинства людей такая работа связана съ ручнымъ трудомъ. Ремесло, такимъ образомъ, является основой современнаго обученія, и въ хорошо организованной государственной школѣ ручной трудъ долженъ явиться обязательнымъ предметомъ.

Сущность подготовительнаго воспитанія къ ручной работѣ заключается не въ ознакомленіи съ рабочими процессами, разнаго рода орудіями, машинами и какими-либо матеріалами опредѣленной спеціальности, а въ приученіи къ извѣстнымъ техническимъ методамъ, въ развитіи органовъ, нужныхъ для той или другой профессіи, въ приобрѣтеніи навыковъ, требуемыхъ при каждой работѣ: аккуратности, исполнительности, осмотрительности, точности, зоркости и т. п. Приобрѣтая въ школѣ всѣ эти качества практическимъ путемъ въ какой-либо систематической работѣ, ученикъ сохранитъ ихъ на всю послѣдующую жизнь и будетъ примѣнять ихъ во всякомъ ручномъ трудѣ, связанномъ въ будущемъ съ избранной имъ жизненной профессіей точно такъ же, какъ развившій свое логическое мышленіе, свою добросовѣстность и правдивость въ занятіяхъ какими-либо учебными предметами владѣетъ этими качествами и примѣняетъ ихъ вездѣ,

если даже онъ и не будетъ потомъ филологомъ, математикомъ, естественникомъ, а юристомъ, историкомъ и философомъ.

Касаясь этого вопроса, Кершенштейнеръ говоритъ, между прочимъ: „Если бы во время можно было знать относительно всѣхъ дѣтей, какую профессію они по своему влеченію и дарованію изберутъ, если бы дѣти не зависѣли такъ при выборѣ профессіи отъ случая или обычая, если бы у большаго числа дѣтей, вслѣдствіе условій работы ихъ родителей или по другимъ причинамъ, не развивались такъ поздно или даже вовсе не исчезали интересы къ опредѣленной работѣ, тогда самую лучшею организаціей народной школы была бы та организація, которая соединяла бы дѣтей по группамъ, въ зависимости отъ ихъ будущей спеціальности, и организовала бы вытекающую изъ первой задачи своей долю школьной работы, какъ подготовку къ будущей профессіи, не дѣлая этой школы профессиональною“ (Г. Кершенштейнеръ. „Понятіе о трудовой школѣ“. Новыя идеи въ педагогикѣ. Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Г. Г. Зоргенфрея. Сборникъ второй. 1913 г. 17 стр.).

Развитіе сильной воли и укрѣпленіе характера—важнѣйшія слѣдствія занятія ручнымъ трудомъ. Неуклонное же требованіе, чтобы всякая работа выходила изъ рукъ ребенка совершенной, способствуетъ въ выработкѣ въ немъ основательнаго и добросовѣснаго отношенія къ порученному дѣлу, что предохранитъ его и въ будущемъ отъ столь распространеннаго въ наше время поверхностнаго, легкомысленнаго отношенія къ служебному долгу.

Развивая, такимъ образомъ, техническія привычки и способности дѣтей, ставя выше всего образованіе людей съ твердой волей и сильнымъ характеромъ, трудовая школа въ значительной степени сокращаетъ книжный, учебный матеріалъ, загромождающій память учащихся и вырабатывающій въ нихъ неустойчивое и шаткое міросозерцаніе. Не разрывая совершенно со старой школой, новая школа беретъ изъ нея самое цѣнное, ставя различный учебный матеріалъ во взаимную органическую связь и приспособляя его къ дѣйствительнымъ, жизненнымъ потребностямъ.

При такой постановкѣ въ школу вносится сама жизнь,

въ ней царить жизнерадостное настроеніе. Преподаватель окажется въ такихъ условіяхъ, что тяжелая работа явится для него не огорченіемъ, а источникомъ многихъ, трудно передаваемыхъ радостей. Интересы учениковъ сольются съ его собственными, личными интересами. На вопросъ, хватитъ ли силъ и времени у педагога трудовой школы, чтобы всегда дѣятельно поддерживать требуемое новой школой живое общеніе съ дѣтьми, участвуя въ ихъ общей работѣ, всевозможныхъ занятіяхъ, даже играхъ и развлеченіяхъ, Кершенштейнеръ отвѣчаетъ такъ: „общеніе съ молодежью есть нѣчто эстетическое и является для насъ источникомъ счастья. Оставаться до старости юнымъ, умѣть жить и чувствовать одинаково съ молодежью, быть близкимъ къ ней и за стѣнами школы—такое отношеніе къ молодому поколѣнію навсегда останется идеаломъ для дѣятельности образцоваго педагога“.

Таковы главнѣйшіе принципы трудовой школы, выдвигающіе на первый планъ развитіе трудоспособной и самодѣятельной личности ребенка. Съ ними нельзя не согласиться. Дѣйствительно, господствующее образованіе пріучаетъ учащихся къ болѣе пассивному воспріятію предлагаемыхъ въ готовомъ видѣ знаній, чѣмъ въ активной, творческой работѣ. А это—большое зло, отражающееся на всемъ умственномъ складѣ молодого, подрастающаго поколѣнія. Вотъ почему, закончимъ свою статью словами одного русскаго педагога, (Н. Державинъ „Родной языкъ и трудовая школа“, въ сборникѣ „Новыя идеи въ педагогикѣ“): „для насъ, русскихъ, новая трудовая школа должна представлять собою исключительный, конечно, интересъ потому, что мы болѣе, чѣмъ кто-либо иной, нуждаемся сейчасъ, несомнѣнно, въ особенномъ напряженіи своихъ творческихъ силъ и въ особенно интенсивной культурной работѣ, и нуждаемся при томъ, настолько, что, казалось бы, воспитаніе активной, самодѣятельной, творческой личности должно быть провозглашено однимъ изъ основныхъ принциповъ нашего національнаго воспитанія“. (Росс.).

Историческія свѣдѣнія о Вятичахъ.

(Продолженіе. См. № 23).

Теперь обратимся къ ихъ внутренней исторіи, или иначе, посмотримъ,—какъ жили Вятичи до принятія христіанства, чѣмъ занимались, какую имѣли вѣру и т. п.

Изъ сказанія лѣтописца мы уже знаемъ, что Вятичи съ самаго перваго своего появленія на политическомъ горизонтѣ обитали въ бассейнѣ верхняго теченія р. Оки и ея притоковъ, а такъ же въ верховьяхъ р. Десны. Эта мѣстность искони была извѣстна своими дремучими и непроходимыми лѣсами²⁴⁾ и многочисленными озерами и болотами. Путей сообщенія почти не было и жители ея общались между собою, по большей части, при посредствѣ рѣкъ. Нужно полагать, что и главныя поселенія Вятичей находились вблизи рѣкъ. Вѣроятно существовали также небольшія тропинки и чрезъ лѣсныя дебри, но по нимъ могли ходить только туземные жители, хорошо знакомые съ мѣстностью. Незнакомому путнику всегда угрожала опасность затеряться въ глуши лѣсной, посреди непроходимыхъ и топкихъ болотъ. Вотъ почему русскіе князья, предпринимая свои походы на Вятичей, старались, по возможности, совершать ихъ въ зимнее время, когда озера и болота замерзали, и такимъ образомъ устанавливался сносный путь для передвиженія.

Характеръ мѣстности—обиліе лѣсовъ и водъ—указывалъ и на занятіе жителей ея. Роскошные лѣса Вятичей въ нѣдрахъ своихъ скрывали великое богатство. Здѣсь въ изобиліи водился всякаго рода пушный звѣрь, охота на котораго составляла самое любимое и самое главное занятіе Вятичей. Пушнымъ же звѣремъ—горностаями, соболями, бѣлками и т. п. Вятичи платили и дань, когда покоряли ихъ или Хозары, или Русскіе князья. Отсюда мы встрѣчаемъ у Лѣтописца такого рода замѣчаніе: «а Козаре имаху (дань) и на Вятичехъ, по бѣлой дивицѣ отъ дыма». На другія выраженія его, напримѣръ: «Козарамъ по шелягу отъ рала

²⁴⁾ Лѣтоп. Нест. стр. 12.

даемъ», ²⁵⁾ или—вложи нань дань отъ плуга, якоже отецъ имаше», ²⁶⁾ «несомнѣнно говорятъ намъ о томъ, что у Вятчей наравнѣ съ звѣроловствомъ существовало и земледѣліе, которое такъ же было значительнымъ подспорьемъ ихъ существованія. Значитъ, въ странѣ Вятчей—среди лѣсовъ попадались и чистыя равнины, которыя распахивались и засѣвались хлѣбомъ. О томъ, что у Славянъ вообще, а слѣдовательно, въ частности и у Вятчей, процвѣтало земледѣліе, мы находимъ извѣстія и у нѣкоторыхъ Арабскихъ писателей. Такъ Ал-Бекри, писатель X вѣка, говоритъ: «они (т. е. Славяне) усердствуютъ въ земледѣліи и въ добываніи себѣ пропитанія и превосходятъ въ этомъ всѣ народы сѣвера.—Они сѣютъ въ два времени года, лѣтомъ и весною, и пожинаютъ двѣ жатвы. И большая часть ихъ посѣва состоитъ изъ проса» ²⁷⁾.

Обиліе рѣкъ и озеръ естественно порождало другой, не менѣе выгодный промыселъ Вятчей—это рыболовство. Но послѣднее видимо Вятчами не могло быть хорошо использовано и потому только удовлетворяло ихъ насущную потребность, или иначе, давало имъ повседневную пищу. Кромѣ звѣроловства, земледѣлія и рыболовства, мы знаемъ, что Вятчи занимались еще бортничествомъ или охотою за дикими пчелами. Лѣсная мѣстность, въ которой жили Вятчи, а такъ же обиліе водъ, привлекали къ себѣ безчисленные рои дикихъ пчелъ, по большей части, селившихся въ дуплахъ старыхъ деревьевъ.

Въ извѣстное время года Вятчи дѣлали нашествіе на пчелъ и забирали у послѣднихъ медъ, который, какъ мы ниже увидимъ, служилъ у нихъ однимъ изъ главныхъ предметовъ ихъ внѣшней торговли ²⁸⁾.

Относительно жизни Вятчей преп. Несторъ лѣтописецъ замѣчаетъ: «Вятчи — ядуше все нечисто» ²⁹⁾. Что это значитъ? Неужели Вятчи употребляли удавленину или даже падаль?

²⁵⁾ Лѣтоп. Нест. стр. 56.

²⁶⁾ Тамъ же стр. 71.

²⁷⁾ Прил. къ 32 т. Запис. Импер. Акад. Наукъ, стр. 54.

²⁸⁾ Въ настоящее время въ Мценскомъ уѣздѣ, Орлов. губ. есть село Бортное. Наименованіе этого села несомненно говоритъ о томъ, что древніе жители его когда-то занимались „бортничествомъ“.

²⁹⁾ Лѣтоп. Нест. стр. 12.

Уже одинъ тотъ фактъ, что Вятичи занимались хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ избавляетъ насъ отъ такой мысли. Развѣ можно допустить, и то подѣ сомнѣніемъ, что Вятичи иногда, можетъ быть, потребляли сырое мясо, или сырую рыбу. Это могло быть, на примѣръ, во время нашествія непріятели, когда недостатокъ времени и опасность положенія лишали ихъ возможности приготовить себѣ пищу должнымъ образомъ. Но вѣдь это бываетъ и можетъ случиться и теперь—въ наше время, на примѣръ, въ осажденныхъ крѣпостяхъ. Если же Лѣтописецъ такъ рѣзко отзывается о Вятичахъ, то у него на это были особыя причины. Нужно замѣтить.—Кіевляне и, въ частности, духовныя лица, къ которымъ принадлежалъ и Лѣтописецъ, какъ христіане, на язычниковъ Вятичей имѣли въ то время самый плохой взглядъ. Развитію и укрѣпленію такого взгляда весьма много способствовали—съ одной стороны, непокорность князьямъ и буйность Вятичей, съ другой стороны, баснословныя розказни про нихъ тѣхъ лицъ, которыя имѣли несчастіе побывать въ ихъ странѣ. Вотъ этотъ-то взглядъ современнаго Нестору общества и отразился на его сказаніи о Вятичахъ.

Вятичи имѣли сношеніе съ сѣверными финскими и восточными тюрско-монгольскими племенами; среди послѣднихъ въ то время были извѣстны Болгары и, главнымъ образомъ, Хозары. Сношенія съ Финнами, по всей вѣроятности, исчерпывались только однимъ близкимъ сосѣдствомъ, а иногда внезапными нападеніями другъ на друга, въ которыхъ Финны почти всегда уступали Вятичамъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и нашъ историкъ Соловьевъ. Онъ говоритъ: «въ половинѣ IX вѣка южныя границы Финскаго племени съ Славянскимъ можно положить въ области Москвы рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ Славянскимъ племенемъ Вятичей: селенія послѣднихъ должны были соприкасаться съ селеніемъ Финскихъ племенъ. Мы видимъ, какъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, принаравливаются къ нимъ»³⁰⁾.

Что касается сношеній Вятичей съ восточными народами,—то нужно сказать, что эти сношенія, преимущественно, выражались въ торговлѣ. Изъ свидѣтельствъ иностран-

³⁰⁾ Солов. Ист. Росс. т. 1 стр. 73.

ныхъ писателей мы узнаемъ, что Вятичи, будучи частью великаго Славянскаго народа, принимали немалое участіе въ мировой торговлѣ Славянъ съ Хазарами, Арабами и, можетъ быть, Греками. Такъ извѣстный ученый славистъ Шафарикъ пишетъ: «кромѣ спокойнаго занятія земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и звѣриной ловлей, Славяне всегда показывали склонность къ промышленности и торговлѣ. Судя по положеніи ихъ земли и другихъ обстоятельствъ, кажется, что еще въ недоступной древности значительная часть торговой промышленности между Азіей и Западной Европой находилась или совершенно въ ихъ рукахъ, или по крайней мѣрѣ, шла чрезъ ихъ землю. Слова, какъ напимѣръ, книга, шелкъ, слонъ, верблюдъ, рай и др., указываютъ собою на цвѣтущее время торговли, нѣкогда производившейся между Востокомъ и Славянами. Отъ нихъ (т. е. Славянъ) вывозились кожи, всякій хлѣбъ, медъ, воскъ, деревянные издѣлія, и т. п., а къ нимъ въ замѣну того, естественныя и промышленныя произведенія чужихъ странъ: золото, серебро, шелкъ, оружія и т. д. ³¹⁾».

Изъ мусульманскихъ писателей объ этомъ свидѣтельствуесть Абуль-Касимъ, извѣстный подъ прозваніемъ Ибнъ-Хордадбе и жившій въ IX вѣкѣ по Р. Х.

«Что касается купцовъ Русскихъ—они же суть племя изъ Славянъ», говоритъ онъ, «то они вывозятъ мѣха выдры, мѣха—черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому морю ³²⁾ и царь Рума беретъ съ нихъ десятину. А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи ³³⁾, проходятъ по заливу хазарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину, затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана ³⁴⁾ и выходятъ на любой имъ берегъ—діаметръ же этого моря—500 форсанговъ.—Иногда берутъ путь за Арменіей, затѣмъ къ заливу столицы Хазарской, затѣмъ въ море Джурджана, затѣмъ въ Балху и Мавараннагру, потомъ до Сина ³⁵⁾». Нужно имѣть въ виду, что Арабскіе писатели лучше знали восточныхъ Славянъ, чѣмъ

³¹⁾ Шафарикъ. Слав. Древ. т. I. кн. 3 стр. 285—286.

³²⁾ Румское море—или Черное, или Средиземное.

³³⁾ т. е.—Волгѣ.

³⁴⁾ Юго-восточная часть Каспійскаго моря.

³⁵⁾ Гаркави. Сказ. мус. пис. о слав. рус. стр. 49.

западныхъ, и потому ихъ свидѣтельства о Славянахъ большею частію относятся къ восточнымъ Славянамъ. А изъ общаго географическаго положенія Славянъ мы знаемъ, что Вятичи были самымъ крайнимъ восточнымъ Славянскимъ племенемъ. Съ чужестранными извѣстіями о торговлѣ Славянъ соглашаются и наши Русскіе историки. Такъ Карамзинъ въ своей Исторіи Государства Россійскаго замѣчаетъ: «самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли какъ внутренней, такъ и внѣшней. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоценныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли.—Они ходили на судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину (Багрянородному), и въ самую отдаленную Сирію» ³⁶⁾.

А Иловайскій даже указываетъ одинъ изъ водныхъ путей, по которому Вятичи сплавливали произведенія своей страны. «Рѣка Десна», говоритъ онъ, «несла произведенія почти всей Черниговской земли и области Вятичей, каковы: лѣсъ, хлѣбъ, садовые и огородные плоды, медъ, воскъ, сало, кожи, пеньковыя издѣлія, конопляное семя или масло и проч. ³⁷⁾—Когда мы говорили про походы Владиміра Мономаха на Ходоту и Кордона, то, между прочимъ, коснулись внутренняго устройства Вятичей, и при этомъ замѣтили, что Вятичи управлялись своими князьями. Теперь объ этомъ скажемъ поподробнѣе.

Дѣйствительно—у Вятичей существовало такъ называемое родовое устройство. Все плѣмя дѣлилось на нѣсколько, и можетъ быть, много родовъ, во главѣ которыхъ стояли старѣйшины или родоначальники этихъ родовъ, называвшіеся такъ же князьями. По всей вѣроятности нѣкоторые между родами считались старшими или болѣе уважаемыми за какія-либо особыя заслуги, или по какимъ либо другимъ причинамъ;—и вотъ старѣйшины или князья этихъ послѣднихъ родовъ, нужно думать, объединили всѣ остальные роды Вятичей или управляли ими. Они видимо творили судъ и милость,

³⁶⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рус. т. I. гл. X. стр. 146—148.

³⁷⁾ Д. Иловайскій. Ист. Росс. ч. II стр. 64.

привлекали Вятичей къ несенію общественныхъ повинностей, созывали ихъ на войну, были предводителями и, наконецъ, отправляли жреческія обязанности. Лѣтопись отмѣчаетъ намъ только трехъ подобныхъ князей—Ходоту, сына его и Кордну, но, несомнѣнно, въ разныя времена были у Вятичей и другіе выдающіеся князья. Такое общинное устройство было свойственно не только Вятичамъ, но и прочимъ Славянскимъ племенамъ. Шафарикъ говоритъ: «веденіе общественныхъ дѣлъ (у Славянъ) находилось въ рукахъ самого народа: отцы семействъ неограниченно повелѣвали своими семействами; выбранные и утвержденные ими на народныхъ съѣздахъ старшины, воеводы и жрецы завѣдывали домашними и общественными дѣлами, религіей, порядкомъ, законами, судомъ, торговлей и промышленностью, войной и миромъ съ чужеземцами. «Нѣтъ такъ же сомнѣнія», говоритъ онъ далѣе, «что Славяне имѣли свои собственные законы и права, переходившіе частью изустно отъ пращуровъ къ сыновьямъ, частью же были записываемы жрецами, свѣдущими въ письмѣ, на доскахъ, или лучше сохранялись посредствомъ нѣкотораго рода рунъ, по крайней мѣрѣ вкратцѣ»³⁸⁾.

Семейную и общественную жизнь Вятичей лѣтописецъ Несторъ изображаетъ такимъ образомъ: «Радимичи и Вятичи, и Сѣвера одинъ обычай имяху,—срамословіе въ нихъ предъ отцы и снохами: и браци не бывають въ нихъ, но игрища межъ сель. Схожахусь на игрища, на плясанія и на вся бѣсовскія пѣсни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею кто совѣщашесь, имяху же и по двѣ и по три жены».

Это сказаніе Лѣтописца, прежде всего говоритъ намъ о томъ, что семейная жизнь у Вятичей до принятія ими христіанства находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. «Срамословіе предъ отцы и снохами» было самымъ зауряднымъ явленіемъ; брака въ смыслѣ особаго религіознаго обряда не существовало, а вмѣсто этого было «умыканіе» женъ. Безнравственность Вятичей доходила даже до того, что они имѣли по двѣ и по три жены. Послѣднее, между прочимъ, подтверждаетъ (и даже преувеличиваетъ) и Арабскій писатель, Ибрагимъ, сынъ Акубы, когда говоритъ, что «бываетъ у

³⁸⁾ Шафарикъ. Слав. Древ. т. I. кн. 3. стр. 283.

одного мужчины (Славянина) двадцать женъ и больше»³⁹⁾.

Но уже извѣстный намъ Шафарикъ свидѣтельства—какъ Лѣтописца, такъ и Ибрагима, нѣсколько смягчаетъ и разъясняетъ, что «Славяне допускали многоженство, бывшее обыкновеннымъ въ то время, впрочемъ не только вѣроятно, но и подкрѣплено свидѣтельствомъ послѣдующихъ писателей, что въ простонародіи у каждаго мужа было по одной женѣ, а только у правителей и вельможъ было большее число ихъ»⁴⁰⁾.

По сказанію Нестора, общественная жизнь Вятичей обнаруживалась въ различныхъ «игрищахъ межъ сель» и «плясаніяхъ». Эти «игрища» и «плясанія» были у Вятичей прежде всего, какъ бы, праздничнымъ развлеченіемъ. Въ свободное время отъ обычныхъ своихъ занятій Вятичи, а точнѣе, ихъ молодежь собиралась на площадяхъ между своими селеніями и проводила время въ играхъ, плясаніяхъ и пѣніи пѣсенъ. Къ этимъ народнымъ сборищамъ пріурочивалось и «умыканіе женъ». Послѣднее совершалось такимъ образомъ. Молодые люди на ранѣ бывшихъ игрищахъ знакомились съ дѣвицами и сговаривались съ ними относительно ихъ похищенія.—Въ одно изъ ближайшихъ «игрищъ», въ самый разгаръ народнаго веселія, они (можетъ быть)—съ помощью своихъ товарищей, похищали намѣченныхъ дѣвицъ и отводили ихъ въ свои жилища, родители же дѣвицъ при этомъ не заявляли никакого протеста.

Вообще же нужно замѣтить, что «игрища» у Вятичей служили не только праздничнымъ развлеченіемъ, но и очагомъ разврата между молодежью. И это вполне понятно. Если сами отцы ихъ, какъ свидѣтельствуется Лѣтописецъ, на виду у всѣхъ, «срамословили съ снохами» и имѣли по нѣскольку женъ, то что можно сказать о молодежи, которая, не имѣя для себя хорошаго примѣра, пользовалась полнѣйшею свободою и проводила время какъ ей угодно. Устраиваемыя «игрища» и «плясанія» межъ сель, по всей вѣроятности, состояли изъ ряда неприличныхъ игръ (съ безнравственными пѣснями), которыми весьма легко возбуждалась

³⁹⁾ Изв. Ал-Бекри о слав. и ихъ сос. прил. къ 32 т. зап. Импер. Акад. Наукъ. стр. 54—55.

⁴⁰⁾ Шафарикъ. Слав. Древ. т. I, кн. 3, стр. 285.

плотская страсть молодежи. Фактъ существованія разврата среди Вятичей и вообще ихъ снисходительнаго взгляда на нравственность намъ будетъ еще болѣе понятенъ, если мы обратимся къ нерусскимъ писателямъ и посмотримъ, что они свидѣтельствуютъ про нравы Славянъ вообще. Напримеръ, извѣстный восточный писатель—Масуди, описывая нравы Славянскаго племени Срини ⁴¹⁾ говоритъ: «женщины ихъ, когда выйдутъ замужъ, не прелюбодѣйствуютъ. А когда дѣвица кого полюбитъ, то она къ нему отправляется и у него удовлетворяетъ свою страсть. А когда мужчина женится и найдетъ свою жену дѣвственною, онъ ей говоритъ: «если бы было у тебя что нибудь хорошее, то мужчины полюбили бы тебя и ты избрала бы себѣ кого нибудь, который бы тебя лишилъ невинности—и прогоняетъ ее и отрѣкается отъ нея» ⁴²⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. І. Тихомировъ.

Паломничество

учениковъ 1-го Орловскаго духовнаго училища въ гор. Бѣлгородъ на поклоненіе мощамъ Святителя Іоасафа.

Въ началѣ мая текущаго года Правленіемъ 1-го Орловскаго духовнаго училища, съ Архипастырскаго благословенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Григорія, организована была экскурсія—паломничество въ Бѣлгородъ—на поклоненіе мощамъ Святителя Іоасафа.

⁴¹⁾ Можно думать, что упоминаемое Масуди племя Срини—есть племя Вятичей. Такъ думать позволяютъ—прежде всего существованіе у Срини обряда сожиганія мертвецовъ, что, увидимъ, было и у Вятичей,—а затѣмъ, сосѣдство племени Срини съ Востокомъ, выраженіе Масуди—„они граничатъ съ востокомъ и далеки отъ запада“. Племя же Вятичей, мы уже знаемъ, было самымъ крайнимъ изъ Славянскихъ восточныхъ племенъ.

⁴²⁾ Иавѣст. Ал-Бекри и др. ав. о Слов. и ихъ сосѣд. прил. къ 32 т. Зап. Импер. Акад. Наукъ, стр. 56.

Въ экскурсію отправилось 28 учениковъ изъ всѣхъ классовъ училища въ сопровожденіи воспитателей: Е. Д. Драчева, В. С. Покровскаго и учителя священника о. С. Космодамианскаго.

Благодаря любезности и хлопотамъ начальника станціи Орель С. П. Зуева, экскурсантамъ былъ приготовленъ отдѣльный вагонъ. Въ Бѣлгородѣ, послѣ краткой остановки на станціи, употребленной на наведеніе справокъ о времени обратнаго отправленія, мы направились въ городъ. Не смотря на жаркую пыльную погоду, на нѣкоторое утомленіе отъ пути, немедленно по прибытіи въ гостиницу женскаго монастыря, гдѣ по распоряженію Преосвященнѣйшаго Бѣлгородскаго Никодима, для насъ было отведено помѣщеніе, паломники отправились въ Соборный храмъ мужскаго монастыря, гдѣ въ то время шло всенощное бдѣніе, на поклоненіе мощамъ Святителя Іоасафа. Но какъ ни предупредительно относилась къ паломникамъ полиція, однако въ теченіе всенощнаго бдѣнія приблизиться къ ракъ Угодника, даже пройти въ самый храмъ нечего было и думать, въ виду тысячнаго стеченія народа по случаю мѣстнаго праздника во имя Св. Николая Чудотворца и имѣющаго быть на другой день крестнаго хода. Поэтому мы рѣшили зайти въ Соборъ по окончаніи всенощнаго бдѣнія, когда безъ особеннаго труда и осуществили, наконецъ, свое желаніе.

Возвратившись въ отведенную квартиру, мы были тронуты внимательнымъ и заботливымъ отношеніемъ къ намъ со стороны монастырскаго начальства; матушка игуменія, привѣтствуя насъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Бѣлгородъ, прислала намъ „хлѣбъ-соль“—огромной величины куличъ, $\frac{1}{2}$ фун. чаю и свертокъ сахару.

На другой день съ ранняго утра мы были уже на ногахъ. Пока дѣти собирались, три ученика старшихъ классовъ съ однимъ воспитателемъ отправились къ ранней литургіи, гдѣ по общему порученію были куплены и поданы на проскомидію просфоры для поминовенія родственниковъ и близкихъ. Тутъ же черезъ О. Намѣстника монастыря мы получили приглашеніе Его Преосвященства пожаловать къ поздней литургіи, которую въ этотъ день имѣлъ совершить Владыка. Хотя народу было еще больше, чѣмъ наканунѣ (тысячъ до 5), однако

паломники безъ труда прошли въ храмъ и стали на отведенное для нихъ на клиросѣ мѣсто.

Высокоторжественное архіерейское служеніе, пріятный и выразительный голосъ Бѣлгородскаго Архипастыря, прекрасное пѣніе, молитвенно-настроенная безчисленная толпа богомольцевъ—все неволью дѣйствовало на душу и производило неизгладимое впечатлѣніе, подѣ влияніемъ котораго дѣти не чувствовали утомленія, хотя богослуженіе продолжалось около трехъ часовъ и въ храмѣ стояла страшная духота.

По окончаніи литургіи изъ собора вышелъ крестный ходъ, въ центрѣ котораго градское и монастырское духовенство, во главѣ съ Преосвященнѣйшимъ Никодимомъ, несло чудотворный образъ Святителя Николая. Юные паломники также приняли участіе въ крестномъ ходѣ, а затѣмъ, подкрѣпивши себя кратковременнымъ отдыхомъ, отправились осматривать городъ.

Въ 3 часа дня всѣ ученики съ воспитателями были уже снова въ монастырѣ, закупили себѣ на память о паломничествѣ крестиковъ, иконочекъ и отправились къ ракѣ Святителя. Священникомъ С. Космодамианскимъ былъ отслуженъ молебенъ, за которымъ паломники помолились о здравіи своего болящаго Архипастыря, о чемъ руководителями паломничества и была послана своевременно телеграмма Его Преосвященству, прочитанная Владыкою, по свидѣтельству Смотрителя училища, съ трогательною благодарностію.

Въ 4 часа, по приглашенію Епископа Никодима, мы отправились въ зданіе, гдѣ когда то находились покои Святителя Іоасафа. Когда мы вошли въ залъ, Преосвященный Никодимъ обратился къ паломникамъ съ словами:

„Привѣтствую васъ, дѣти, съ благополучнымъ прибытіемъ въ сей святой градъ; радуюсь, что Господь сподобилъ васъ счастья помолиться у раки дивнаго Его Угодника“. Затѣмъ Владыка подробно разсказалъ ученикамъ о жизни и трудахъ Святителя Іоасафа, объ открытіи св. мощей Его, какъ очевидецъ и соучастникъ этого знаменательнаго въ наши дни событія. „Не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, говорилъ далѣе Владыка, страшную сырость въ склепѣ, гдѣ былъ погребенъ Святитель, не смотря на то, что истлѣли погребенные рядомъ съ Святителемъ и гораздо позднѣе его другіе епископы Бѣлгородскіе,—тѣло Угодника Божія оставалось нетлѣннымъ,

даже облаченія и одежды Святителя не подверглись разрушенію, члены Его тѣла и въ настоящее время сохраняютъ нѣкоторую упругость, удѣльный вѣсъ тѣла Угодника такой же, какъ и обыкновеннаго человѣка. А сколько знаменій благодатнаго заступленія и помощи Святителя я былъ свидѣтелемъ—трудно и перечестъ! Много уроковъ, дѣти, можно получить здѣсь, у раки Угодника Божія. Въ заключеніе Преосвященный совѣтовалъ ученикамъ, чтобы это паломничество не было послѣднимъ въ ихъ жизни.

Затѣмъ, подъ руководствомъ Преосвященнаго, паломники осмотрѣли покои Святителя Іоасафа и между прочимъ маленькую домовую церковь во имя Преподобнаго Антонія и Θεодосія Печерскихъ, недавно устроенную на мѣстѣ существовавшей во дни Святителя Іоасафа. Замѣчательно, что на престолѣ этой церкви находится Св. Антиминсъ, освященный и подписанный самимъ Св. Іоасафомъ. Интересенъ, также большой образъ Угодника, искусно вышитый шелкомъ по полотну монахинями какого-то монастыря.

Молча, съ благоговѣйнымъ чувствомъ, выслушали паломники объясненія Преосвященнѣйшаго Никодима, который потомъ благословилъ всѣхъ воспитанниковъ и ихъ руководителей и каждому подарилъ на память по 2 брошюры, иконѣ Святителя и крестику.

Глубокое чувство благодарности за радушный и трогательный приѣмъ свѣтилось въ очахъ всѣхъ участниковъ паломничества. Руководимый этимъ чувствомъ священникъ Сергій Космодамианскій отъ лица всѣхъ паломниковъ обратился къ Его Преосвященству съ слѣдующими словами: „Ваше Преосвященство! На долю юныхъ паломниковъ 1-го Орловскаго духовнаго училища дѣйствительно выпало рѣдкое счастье—поклониться мощамъ Святителя Христова Іоасафа. Когда мы прибыли сюда, намъ казалось, что пріѣхали мы не въ удобное время: не только монастырь и его храмы, но и улицы города были запружены тысячными толпами богомольцевъ; казалось, что много трудовъ и усилій потребуется отъ насъ, много неудобствъ придется перенести намъ, чтобы только приложиться къ Св. Мощамъ. Но благодаря помощи Угодника Божія, благодаря Архипастырскому вниманію и радушію Вашего Преосвященства, намъ безъ труда и усилій удалось достигнуть исполненія своихъ

желаній, удовлетворить тѣ стремленія, съ какими мы прибыли сюда. Мы видѣли и слышали здѣсь много такого, что доступно лишь весьма немногимъ. Недолго мы пробыли здѣсь, но какъ много пережили, перечувствовали. Вѣрьте, Владыко, что эти немногія святыя минуты, проведенныя нами здѣсь, навсегда останутся въ сердцѣ cadaго изъ насъ и въ воспитательномъ отношеніи принесутъ обильный плодъ. Позвольте выразить одушевляющія насъ чувства глубокой преданности, сыновняго почтенія и благодарности Вашему Преосвященству за Ваше вниманіе и радушіе. Отъ всего сердца желаемъ, чтобы Господь, предстательствами Святителя Іоасафа, сохранилъ силы и здоровье Вашего Преосвященства на многія лѣта!

„Вы гости не мои только, но и Святителя, отвѣтилъ на это Владыка, и я радъ, что вы довольны, доволенъ будетъ и Угодникъ Божій“. Послѣ этого Преосвященный пригласилъ насъ еще разъ помолиться у раки Святителя, куда онъ, по своему обыкновенію, отправлялся для чтенія акаѳиста.

Какъ ни были утомлены дѣти, они съ радостію приняли приглашеніе Владыки. Здѣсь мы еще разъ были тронуты вниманіемъ и заботливостію Преосвященнаго. Такъ какъ въ храмѣ было много народа, то Владыка распорядился поставить насъ на возвышеніи у раки Святителя, гдѣ стоятъ лишь священнослужители. По его же распоряженію для удовлетворенія религіозной любознательности и удостовѣренія въ нетлѣнныя мощи, очередной о. іеромонахъ снялъ перчатку съ десницы Святителя, а съ самихъ мощей всѣ внѣшніе покровы.

Что переживали мы всѣ въ данныя минуты—трудно передать; благоговѣйный восторгъ и трепеть, ощущаемый нами, понятенъ каждому... Во время молебна на ектеніи Владыка вознесъ моленіе о здравіи болящаго Епископа Григорія, начальствующихъ, учащихъ и учащихся. По окончаніи молебна, пригласивши въ алтарь священника Космодамианскаго, Владыка вручилъ ему двѣ просфоры: одну для передачи Преосвященнѣйшему Григорію, а другую—смотрителю училища Н. А. Павловскому.

Вручая просфору для Преосвященнѣйшаго Григорія, Владыка просилъ передать, что, узнавши о его недомоганіи, онъ ежедневно молился у раки Угодника объ исцѣленіи нашего Архипастыря и обѣщалъ продолжать свои братскія молитвы.

Приложившись къ Св. Мощамъ, получивши напутственное благословеніе, мы вышли изъ монастыря. Остатокъ дня былъ употребленъ нами на посѣщеніе храма женской обители, гдѣ паломники отслужили молебенъ Божіей Матери предъ чудотворнымъ образомъ Ея „Корсунскимъ“. Затѣмъ однимъ изъ руководителей паломничества была выражена отъ лица юныхъ богомольцевъ казначей монастыря (матушка игуменія по хозяйственнымъ дѣламъ уѣхала изъ монастыря) сердечная благодарность за пріютъ и радушіе,—и паломники возвратились на квартиру, чтобы на другой день утромъ отправиться въ путь.

Руководитель паломничества,
учитель священникъ *С. Космодамианскій*.

Въ борьбѣ за трезвость.

28 апрѣля подъ Предсѣдательствомъ г. Орловскаго Губернатора состоялось „особое совѣщаніе представителей вѣдомствъ Орловской губерніи для обсужденія мѣръ борьбы съ чрезмѣрнымъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ“.

Указавъ съ исчерпывающею полнотою всѣ мѣры этой борьбы административныя и законодательныя, совѣщаніе между прочимъ отмѣтило: „борьба съ пьянствомъ возможна и необходима не одними репрессивными мѣрами; живое слово священника, произнесенное съ амвона церкви въ торжественную минуту богослуженія, когда мысли вѣрующихъ далеки отъ соблазна, пустить глубокіе корни въ души молящихся, почему духовенство должно принять самое дѣятельное участіе въ оздоровляющемъ народъ дѣлѣ“.

Затѣмъ, Собраніе признало необходимымъ создать для народа такія условія, которыя отвлекли бы его отъ увлеченія спиртными напитками, надо дать ему взамѣнъ послѣднихъ такія равлеченія, кои, будучи сами по себѣ духовными и просвѣтительными, наполняли бы досугъ народа и въ то же время отвлекли бы его въ часы этого досуга отъ пагубной страсти къ вину.

Признано цѣлесообразнымъ распространеніе школьныхъ обществъ трезвости, такъ какъ имѣются указанія на зло-

употребленіе спиртными напитками учащихъ высшихъ, среднихъ и даже низшихъ школъ.

Закрывая совѣщеніе, г. Предсѣдатель выразилъ увѣренность, что всѣ представители вѣдомствъ, принимавшіе участіе въ немъ, памятуя содержаніе Высочайшаго рескрипта, приложатъ всѣ усилія къ тому, что пожеланія настоящаго совѣщанія въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія будутъ немедленно осуществлены.

Представителемъ отъ духовнаго вѣдомства на Совѣщаніи былъ Епархіальныхъ Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ А. И. Георгіевскій.

И. К—скій.

Извѣстія и замѣтки.

— Прославленіе мощей преподобнаго Варнавы. Св. Синодомъ постановлено 11 іюня совершить прославленіе мощей преподобнаго Варнавы, ветлужскаго чудотворца, почивающихъ подъ спудомъ въ соборѣ гор. Варнавина костромской епархіи. Вскрытіе мощей происходило по ходатайству епархіальнаго начальства и городского управленія гор. Варнавина. Совершеніе обряда прославленія мощей возложено Св. Синодомъ на архіепископа Тихона костромского и его викарія, епископа Арсенія.

— Обзоръ православныхъ заграничныхъ церквей. Въ сентябрѣ мѣс. тек. года, архіеп. Сергій Финляндскій, преосвященный Анастасій, епископъ Ябургскій и проф. Ив. Ив. Соколовъ отправляются для обзора нашихъ православныхъ церквей за границу. Послѣ этого они посѣтятъ, какъ уже у насъ сообщалось, Англию, для ознакомленія съ устройствомъ и бытомъ англиканской церкви.

Въ настоящее время Св. Синодъ рѣшилъ войти по сему съ особымъ представленіемъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Къ прославленію Павла тобольскаго. 5 іюня подъ предсѣдательствомъ митрополита кіевского Флавіана открылись засѣданія по прославленію почивающаго нетлѣнно въ склепѣ Кіево-Печерской лавры митрополита тобольскаго Павла. Въ

составъ комиссіи вошли какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица, а именно: викарій кievской епархіи епископъ Никодимъ чигиринскій, два лаврскихъ архимандрита, кафедральный протоіерей Злотоверховниковъ, членъ консисторіи прот. Браиловскій, благочинный прот. Фоменко, кievскій губернский предводитель дворянства Безакъ, правитель дѣлъ канцеляріи губернатора и два чиновника особыхъ порученій. Засѣданіе комиссіи происходило въ самой лаврской церкви. Была осмотрѣна гробница святителя. Почиваетъ онъ въ томъ самомъ облаченіи, въ томъ самомъ деревянномъ гробу, въ которомъ былъ погребенъ въ 1770 г.

— Вѣдомство православнаго исповѣданія внесло въ Совѣтъ Министровъ проектъ для представленія въ Гос. Думу объ измѣненіи границъ владивостокской и благовѣщенской епархіи и объ образованіи самостоятельной камчатской епархіи. Проектъ этотъ вызвалъ рядъ возраженій съ финансовой стороны государственнаго контроля и министерства финансовъ.

— Цѣнное пожертвованіе. Епископъ Александръ, бывшій орловскій, воспитанникъ спб. духовной академіи, управляющій нынѣ московскимъ воскресенскимъ мужскимъ монастыремъ, пожертвовалъ библиотекѣ спб. духовной академіи 19 драгоценныхъ рукописей, на эіопіо-абиссинскомъ языкѣ, относящихся къ эпохѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Рукописи эти были получены въ видѣ приношенія абиссинцевъ христіанъ, когда епископъ Александръ былъ настоятелемъ абиссинской православной миссіи.

— Засѣданіе Историко-Археологическаго общества въ г. Ельцѣ. 8-го мая, въ зданіи гимназіи А. Θ. Павловскаго, состоялось засѣданіе Церковнаго Историко-Археологическаго Об—ва, главной темой котораго былъ докладъ члена Об—ва А. П. Бутягина, „о чествованіи памяти епископа Теофана, затворника Вышинскаго“. Епископъ Теофанъ, въ мірѣ Сергій Васильевичъ Говоровъ, родился 10 января 1815 г., въ селѣ Чернавскѣ, Елецкаго уѣзда.

— Орелъ на торжествахъ. Во время салюта въ честь Англій, надъ англійскими судами сталъ парить орелъ. Размахивая широко крыльями, царственная птица неслась надъ англійской эскадрой, привѣтствуя дорогихъ гостей.

Появленіе орла въ Петербургѣ вызвало удивленіе и восторгъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность присутствовать на торжествахъ.

Вспомнили при этомъ и орловъ, которые парили передъ бородинскимъ сраженіемъ надъ сѣдой головой Кутузова и надъ головой Великаго Петра во время закладки Петербурга.

Появленіе на сѣверѣ рѣдкой птицы служило всегда хорошимъ предзнаменованіемъ.

Русскій орелъ какъ-бы привѣтствовалъ нарождающуюся дружбу съ Англійей.

— **Къ недороду.** Въ ожиданіи недорода по озимымъ, въ Орлѣ собирались предсѣдатели уѣздныхъ управъ. Было выяснено, что для половины самыхъ лучшихъ черноземныхъ уѣздовъ Орловской губерніи: Елецкаго, Ливенскаго и Малоархангельскаго, потребуется продовольственная помощь, а потому проектируются общественныя работы.

Х Р О Н И К А.

15 іюня, въ воскресенье, Преосвященнѣйшій Митрофанъ, Епископъ Елецкій, временно управляющій Орловскою епархіей; совершилъ литургію въ кафедральномъ соборѣ. За литургією были рукоположены въ санъ священника къ Знаменской церкви села Ильинскаго-Косогова, Болховскаго уѣзда, новорукоположенный діаконъ Аѳанасій Боголюбскій и въ санъ діакона, назначенный на священническое мѣсто къ Воскресенской церкви села Любожичи, Трубчевскаго уѣзда, окончившій курсъ Орловской духовной семинаріи Григорій Троицкій; кромѣ того на маломъ входѣ были возведены въ санъ протоіерея: священникъ Знаменской церкви села Здоровца, Ливенскаго у., Петръ Архангельскій и священникъ Введенской церкви села Введенскаго того-же уѣзда Василій Сухановъ. Очередное слово за литургією было сказано священникомъ Митрофаномъ Андреевымъ.

Засѣданіе Церковнаго Историко-Археологическаго Общества.

Въ пятницу 20 іюня сего 1914 г., въ помѣщеніи библіотеки-читальни Орловскаго Петропавловскаго Братства (домъ Мачурина, у Очнаго Маріинскаго моста, противъ Богоявленской церкви), назначено Общее Собраніе Орловскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. Предметы занятій Собранія слѣдующіе.

1. Современное почитаніе Препод. Тихона, Карачевскаго Чудотворца, въ г. Карачевѣ и его окрестностяхъ, и народная память о почитаніи его въ прежнее время. По поводу дня памяти его 16 сего іюня.—Сообщеніе Предсѣдателя Общества, Протоіерея Ильи Ливанскаго.

2. Генераль-фельдмаршалъ Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, покоритель Кавказа (сродникъ Препод. Поликарпа Брянскаго). По поводу столѣтія со времени его рожденія (въ 1814 г.), 55-лѣтія взятія имъ въ плѣнъ предводителя Кавказскихъ горцевъ Шамиля (въ 1859 г.), послѣ чего, 21 мая 1864 г., (т. е. 50 л. тому назадъ) закончено было покореніе всего Кавказа, и 35-лѣтія по его кончинѣ (въ 1879 г.). Сообщеніе его же.

3. Прошеніе на имя Императора Константина о раздѣлѣ братьевъ и сестеръ Арсеньевыхъ.—Сообщеніе Почетн. Члена Общества В. С. Арсеньева.

4. Обсужденіе вопроса объ улучшеніи положенія церковныхъ древлехранилищъ для доклада XVI Археологическому Съѣзду въ г. Псковѣ.—Совмѣстный докладъ Поч. Членовъ Общества И. С. Комягинскаго и В. М. Турчанинова.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Художественно-иконостасная мастерская **Ивана Демьяновича ГОНЧАРЕНКО.**

Принимаются заказы на иконостасы, кіоты, горнія мѣста-жертвенники съ рѣзьбой и позолотой, а также изъ натурального дерева: дубоваго, кипарисоваго и орѣховаго съ позолотой и безъ оной.

Отдѣлка стѣнъ внутри храмовъ живописью и орнаментами по образцамъ выдающихся художниковъ.

Позолота главъ и крестовъ. Образа пишутся на деревѣ, цинкѣ и холстѣ.
Чеканка и эмалировка на деревѣ и цинкѣ.

Дмитровскъ, Орловской губ., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Литературная оцѣнка недавно прошлаго времени. 2. Трудовая школа. 3. Историческія свѣдѣнія о Вятичахъ (Продолженіе). 4. Паломничество учениковъ 1-го Орловскаго духовнаго училища въ гор. Бѣлгородъ на поклоненіе мощамъ Святителя Іоасафа. 5. Въ борьбѣ за трезвость. 6. Извѣстія и замѣтки. 7. Хроника. 8. Засѣданіе Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. 9. Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи
Протоіерей **В. Сахаровъ.**

Печатать дозволяется. Цензоръ, протоіерей **Г. Чижовъ.**

№ 25 сданъ на почту 24 іюня.

Орелъ. Электрическая Типографія Губ. Правленія.